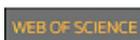

Актамов И. Г. Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период : вынужденная мобильность и социальное событие / И. Г. Актамов, Ю. Г. Григорьева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 359—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380.

Aktamov, I. G., Grigoreva, Yu. G. (2021). Mongolian Labor Migration to Republic of Korea in Recent Historical Period: Forced Mobility and Social Event. *Nauchnyi dialog*, 7: 359-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380

Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период: вынужденная мобильность и социальное событие

Актамов Иннокентий Галималаевич
orcid.org/0000-0002-8646-1048
кандидат педагогических наук
доктор философии (PhD, история)
заведующий лабораторией
«Центр переводов с восточных языков»
aktamov13@gmail.com

Григорьева Юлия Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-4267-2465
кандидат исторических наук
младший научный сотрудник
grigoreva-yulia23@mail.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР»

Mongolian Labor Migration to Republic of Korea in Recent Historical Period: Forced Mobility and Social Event

Innokentii G. Aktamov
orcid.org/0000-0002-8646-1048
PhD in Pedagogy
PhD in History, Head of the Laboratory
“Center for Translations
from Oriental Languages”
aktamov13@gmail.com

Yulia G. Grigoreva
orcid.org/0000-0003-4267-2465
PhD in History
Junior Researcher
grigoreva-yulia23@mail.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR and MECSS, project № 20-511-44003 «Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region»

© Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются причины, факторы и особенности трудовой миграции граждан Монголии в Республику Корея в постсоциалистический период развития страны. Представлены результаты сопоставительного анализа данных официальной статистики, органов государственной власти Монголии и Республики Корея, а также международных организаций. Выполнен обзор научных работ по данной проблеме отечественных, монгольских, южнокорейских авторов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа миграционных процессов, которые в ближайшей перспективе будут определять социально-экономическое развитие государств Северо-Восточной Азии с учетом возрастных, профессиональных, гендерных характеристик «принимающих» и «прибывающих» сообществ. Доказано, что правительство Монголии уделяет большое внимание миграционной политике, в которой особое значение придается миграции монгольских граждан в Республику Корея. Авторами выявлены основные факторы, оказывающие влияние на миграционные потоки, а также определены механизмы государственного регулирования в новейший исторический период. Сформулированы результаты проведенного анализа, намечены перспективы развития исследования, в том числе в области изучения миграционных потоков из приграничных регионов Российской Федерации.

Ключевые слова:

Монголия; Республика Корея; миграция; миграционная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of the reasons, factors and features of labor migration of Mongolian citizens to the Republic of Korea in the post-socialist period of the country's development are considered. The results of a comparative analysis of the data of official statistics, government bodies of Mongolia and the Republic of Korea, as well as international organizations are presented. A review of scientific works on this issue by domestic, Mongolian, South Korean authors is carried out. The relevance of the study is due to the need to analyze migration processes, which in the near future will determine the socio-economic development of the states of Northeast Asia, taking into account the age, professional, gender characteristics of the "receiving" and "arriving" communities. It has been proven that the government of Mongolia pays great attention to migration policy, which emphasizes the migration of Mongolian citizens to the Republic of Korea. The authors identified the main factors influencing migration flows, and also determined the mechanisms of state regulation in the recent historical period. In the conclusion, the results of the analysis carried out on the problem and the prospects for the development of the study are formulated, including in the field of studying migration flows from the border regions of the Russian Federation.

Key words:

Mongolia; the Republic of Korea; migration; migration policy.

УДК 94:314.743(517.3)“2020”

Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период: вынужденная мобильность и социальное событие

© Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г., 2021

1. Введение

Современные глобальные отношения характеризуются разнообразными и довольно противоречивыми тенденциями: от стремления к открытости и взаимодействию государств до планомерной изоляции и обретающего сторонников по всему миру движения антиглобалистов. Знаковым в этом плане стал 2020 год, который обозначил иную проблему и другой механизм защиты. Пандемия вируса нового типа показала, что государствам проще и эффективнее преодолевать угрозы путем закрытия государственных границ, ограничения передвижений между регионами внутри страны и даже введением режима «самоизоляции» и «социальной дистанции» (в данном контексте корректнее было бы использовать сочетание *физическая дистанция*, поскольку термин *социальная дистанция* был введен в научный оборот по иному поводу еще в 1924 году американским социологом Парком Робертом Эзра (1864—1944), автором социально-экологической теории в социологии — *И. А., Ю. Г.*) на индивидуальном уровне. Вместе с тем данные меры носили оперативный характер, который предполагает возврат к привычным механизмам глобального взаимодействия после преодоления пандемии. Даже сейчас, когда ситуация с преодолением пика заболеваемости еще не имеет очевидных позитивных очертаний, мы можем наблюдать социальные взрывы, направленные против мер, вводимых со стороны ряда государств [Пандемия ...]. Триггером в данном случае выступает ограничение свободы передвижений, сокращение персонала в связи с локдауном, отсутствие ясных перспектив и эффективных методов борьбы с болезнью. Все это имеет значение и на международном уровне: многие трудовые мигранты оказались в вынужденной блокаде у себя на родине. Трудности испытывают и принимающие государства, которые оказались без рабочей силы, обеспечивавшей развитие целых отраслей экономики. В начале XXI века мировая экономическая активность все больше смещается в Северо-Восточную Азию, где ведущую роль играют такие государства, как КНР, Япония, Республика Корея, Монголия, КНДР. Для нашей страны расширение

взаимодействия со странами Северо-Восточной Азии является одним из стратегических направлений сотрудничества. Более того, высшим руководством страны был объявлен геополитический «поворот на Восток», который отражает разнонаправленность внешней политики РФ. Наряду с торгово-экономическими связями страны региона наращивают взаимодействие в других сферах сотрудничества: политической сфере, военном сотрудничестве, образовании, культуре, науке и др.

Еще одним важным фактором, который влияет на развитие экономики страны, является трудовая миграция. Стремительный экономический рост, который демонстрировали Китай, Япония, Р. Корея, Монголия в начале XXI века, стимулировал потребность в трудовой силе, которую государства своими ресурсами не могли удовлетворить. В этом плане большое социально-экономическое значение имеет индекс человеческого развития стран Северо-Восточной Азии. В рамках исследования мы рассмотрим исторические основания миграционных потоков из Монголии в Республику Корея, выявим характерные особенности, а также попытаемся на основе анализа данных официальной статистики, нормативных документов выдвинуть прогнозные сценарии развития ситуации в этой сфере.

Актуальность обозначенной темы обусловлена необходимостью определения тенденций трансформации трансграничного региона с точки зрения миграционных потоков, изучения целей, жизненных стратегий жителей современной Монголии. Полученные результаты позволят выявить общее и особенное в миграционных практиках жителей Монголии, проанализировать влияние миграции на социальную стабильность, определить риски и вызовы, которые стоят сейчас перед современным монгольским обществом. Отношения России с «вечным соседом» имеют стратегическое значение с точки зрения реализации всеобъемлющего партнерства между странами [Россия и Монголия ...]. Кроме того, интересны миграционные практики монгольских граждан с точки зрения сопоставления с аналогичными механизмами адаптации российских граждан в Республике Корея.

2. Социально-экономические и политические предпосылки миграционных процессов в Монголии в постсоциалистический период

Конец 1980-х — начало 1990-х годов ознаменовались распадом Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора. Кризис в Советском Союзе стал толчком к бурным политическим процессам в странах, которые входили в указанные международные организации. Вместе с тем, если на европейские страны социалистического блока исчезновение СССР оказало принципиальное влияние, что вылилось в так назы-

ваемые «бархатные революции», то государства Азии, такие как КНР, СРВ, КНДР, Лаос, Камбоджа, формально не отказались от своего социалистического курса. Монголия в этом плане являлась исключением: к концу 1980-х годов она по примеру Советского Союза запустила процесс «перестройки». Шоковая терапия показала неподготовленность государства и общества к принципиальной смене идеологических ориентиров, привела к разрушению прежней системы управления, распаду многих предприятий. Это привело к росту безработицы, гиперинфляции и общему снижению уровня жизни населения. К тому же сокращение финансовой помощи Советского Союза монгольскому государству усилило эти кризисные тенденции. По мнению отдельных специалистов, объем финансовой помощи со стороны СССР за период 1989—1991 годов сократился с 53 % (от размера ВВП Монголии) до 7 %, а советский импорт сократился на 60 % [Boone, 1994, p. 330]. Все это подтолкнуло монгольскую экономику к упадку, в котором она находилась вплоть до середины 1990-х годов.

Первые признаки стабилизации экономики Монголии наметились в 1994—1995 годах, когда запущенные рыночные механизмы обрели некоторую силу. Оживился животноводческий сектор, который стал демонстрировать рост производства, иностранные инвестиции придали импульс для развития промышленному сектору. За сравнительно короткий срок монетарная политика государства позволила ограничить рост инфляции. Если в 1992 году уровень инфляции составил 352 %, то в январе 1995 года он снизился до 58,4 %, в ноябре — до 10 % [История Монголии ..., 2007, с. 348].

В начале XXI века на глобальном рынке повысился спрос на минеральные ресурсы: медь, уголь, вольфрам, молибден, олово, золото и др. Данная ситуация позволила Монголии за счет экспорта сырья пополнить бюджет, погасить накопившиеся долги и увеличить золотовалютные резервы. Это стало стимулом притока иностранных инвестиций в страну. После 1990-х годов Россию на этом рынке уверенно потеснил Китай, который планомерно расширяет инвестиционное присутствие прежде всего в таких сферах, как горнорудная и строительная. По разным оценкам объем инвестиций КНР в монгольскую экономику составляет примерно половину от всех капиталовложений иностранных государств.

Еще одним механизмом оживления экономики Монголии являются кредиты, которая страна получает на реализацию тех или иных проектов. По размерам предоставляемых кредитов и помощи Япония является на сегодня самым крупным донором: 56 % всей помощи и кредитов, предоставляемых Правительству Монголии. В период 1990—2002 годы Япония оказала Монголии экономическую помощь на сумму 11 млрд иен. В настоящее время Япония ежегодно предоставляет Монголии льготные кредиты

на сумму 45—60 млн долл., безвозмездную помощь в размере 30—35 млн долл. и оказывает техническое содействие на сумму более 10 млн долл. Полученные кредиты и помощь от Японии были использованы в Монголии при создании комбината «Гоби», мясокомбината в г. Дархан, предприятия по переработке молока в г. Улан-Баторе, ТЭЦ № 4, а также для строительства угольных шахт в Шивээ, Багануре, расширения полезных площадей средних школ и др. [Дугаржав и др., 2006, с. 69].

Еще одним важным партнером Монголии является Республика Корея. С момента установления дипломатических отношений минуло немногим более тридцати лет, и за этот период Корея смогла стать крупным партнером Монголии, занимающим одно из ведущих мест как в объеме инвестиций, так и объеме торговли. Все это стимулировало миграционные потоки монгольских граждан в Республику Корея. По неофициальным данным, в Республике Корея занимается трудовой деятельностью около 17 тыс. монгольских граждан.

Миграционные процессы всегда играли важную роль в жизни Монголии, обеспечивая освоение территории страны, перераспределяя население и трудовые ресурсы. Миграция в отличие от других социально-экономических явлений оказывает существенное влияние на политические, социально-экономические процессы, происходящие в обществе. От масштабов и тенденций миграционных процессов во многом зависит структура и качество рабочей силы, которая в свою очередь определяет перспективы развития инфраструктуры отдельных регионов страны. В постсоциалистический период в связи с закрытием предприятий, сокращением объема производства, централизацией финансов в столице страны усилились миграционные потоки из регионов страны в Улан-Батор. В свою очередь и население столицы, и жители аймаков, приехавшие в город в поисках улучшения своего материального положения, начали выезжать в другие страны. Процесс старения населения в Северо-Восточной Азии привел к старению и нехватке местной рабочей силы в ряде государств, изменению структуры коэффициента демографической нагрузки, повышению в нем удельного веса пожилых и сокращению трудоспособного населения. Результатом стало стимулирование импорта рабочей силы, а также перенос производства в другие страны. Все это создало условия для миграции монгольских граждан в другие государства.

По свидетельству отдельных экспертов, наиболее тесные экономические и политические отношения связывают Монголию с Южной Кореей, где учится много монгольских студентов, работает много мигрантов. Также ежегодно растут объемы корейских инвестиций, в том числе по причине близости культурных традиций. Южная Корея воспринимается в Монго-

лии как страна, которая добилась значительных успехов на мировой арене. В Монголии очень ценятся корейские товары, считается, что они обладают хорошим качеством [Балдорж и др., 2019, с. 37].

Таким образом, Монголия в постсоциалистический период оказалась в сложных экономических условиях, которые стали результатом изменения внешнеполитической ситуации. Реформы нового правительства Монголии в определенной степени позволили преодолеть кризисные явления в социально-экономической сфере. Но принятые меры не позволили в полной мере повысить качество жизни населения страны. Это подтолкнуло наиболее активную часть монгольских граждан искать источники заработка в других странах. Наибольшее количество трудовых мигрантов из Монголии зарегистрировано в Республике Корея. Такая ситуация сложилась в результате нескольких факторов: заинтересованности Южной Кореи в рабочей силе, сложившихся хороших политических связей между государствами, а также привлекательности образа корейской культуры, образа жизни.

3. Историография монгольской миграции в страны АТР

Имеющиеся в научной литературе публикации по исследуемой теме представлены трудами российских, монгольских и корейских исследователей, ученых Западной Европы, Китая, Японии, США. Значительный вклад в изучение проблемы вносят труды ученых Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Иркутского государственного университета и др.

Большое внимание отечественных исследователей привлекают этномиграционные и диаспоральные процессы в монгольском мире. Основной задачей становится выявление факторов формирования культуры межэтнических отношений между принимающим обществом и мигрантами, изучение региональной специфики, самоорганизации монгольских диаспор и их институционализации в некоторых странах Азии, Европы и Америки. Здесь можно отметить работы М. Н. Балдано [Балдано и др., 2015; Балдано, 2018], В. И. Дятлова [Миграции и диаспоры ..., 2010; Восток России ..., 2011], С. А. Панарина [Восток на Востоке ..., 2016], С. В. Кириченко [Кириченко, 2016] и др.

Особый вклад в изучение миграции внесли монгольские исследователи, проживающие или получившие образование в Республике Корея. Большая часть работ посвящена трудовой, образовательной и брачной миграции монголов в РК, например, публикации [Галиймаа и др., 2016; Batbayar, 2005; Bolormaa, 2008; Munkhjargal, 2011; Munkh-Orgil, 2006; Narmandakh, 2013; Oyunchimeg].

Социологические исследования по изучению международной миграции из Монголии были выполнены Бужин Баттур [Bujin Battur, 2015], Солонгоо Алгаа [Alгаа, 2013]. На основе проведенных интервью и анкетирования монгольских мигрантов, проживающих в Южной Корее, авторы выявили основные причины, положительные и отрицательные последствия миграции. Экономические факторы трудовой миграции рассмотрены в диссертации монгольского исследователя Нямсүвд Батмагнай [Batmagnai, 2015]. В качестве выталкивающих (push) факторов в работе приводятся данные социально-экономической ситуации в стране (безработица, низкий уровень дохода, инфляция). Притягивающими факторами (pull) являются развитость экономики Республики Корея, спрос на иностранную рабочую силу и удовлетворительную миграционную политику. Сравнительный анализ миграционных процессов из Монголии в Республику Корея, США, ЕС, Японию представлен в работе Ц. Долгорсурэн [Dolgorsuren, 2016]. В исследовании показано, что более привлекательной страной для миграции, в первую очередь трудовой, является Республика Корея в сравнении с США, Канадой, Россией, Японией и т. д.

Монгольская международная миграция также стала объектом исследования для южнокорейских ученых. Однако данные исследования либо проведены совместно с монгольскими коллегами, либо изучены в комплексе общей миграционной ситуации в Республике Корея. Можно назвать исследователей Ким Юнг Хи [Kim, 2008; Kim, 2018], Ли Гю Ён [Lee, 2017], Ю Кил Сан [Yoo Kil-sang, 2001], Пак Ён Бом [Park, 1997].

4. Процессы турбулентности в монгольском обществе

В последние годы миграция под влиянием политических и социально-экономических перемен в Монголии и за ее пределами приобрела ряд принципиально новых черт, имеющих остропроблемный характер. Начало 90-х годов стало переломным моментом в миграционных процессах в Монголии. Это можно объяснить рядом факторов. Так, политическая реформа на всех уровнях власти привела к либерализации и демократизации жизни в стране, расширению возможностей реализации личности, в том числе и с точки зрения применения своих профессиональных компетенций в разных сферах. Вторым фактором является резкий переход от плановой к рыночной экономике, который вызвал кризис, сопровождавшийся снижением уровня жизни населения, появлением безработицы. Возникновение частного предпринимательства привело к перемещению рабочей силы не только по всей стране, но и по всему миру. В 1990-е годы особое развитие получил так называемый «челночный» бизнес, когда граждане Монголии ездили в КНР, РФ, страны СНГ, Р. Корея, государства Восточной и За-

падной Европы за предметами первой необходимости, одеждой, бытовой техникой с целью перепродажи у себя на родине. Обозначенные факторы стимулировали процесс урбанизации, вызвавший отток населения из сельской местности в город. Началась и усиливается миграция населения из западных аймаков в центральные регионы страны, в большие города: Улан-Батор, Эрдэнэт, Дархан. Особенно это касается молодежи, которая стремится быть ближе к финансово-экономическим и культурным центрам, научно-образовательным учреждениям и др.

По мнению Д. Д. Бадараева, Монголия в постсоциалистический период была подвержена процессам турбулентности, которые он условно делит на несколько этапов. Первый этап (1991—1993): резкое прекращение советского экономического патронажа, приватизация, инфляция (уровень ВВП снизился более чем на 30 %, в 1991 году — до 9,2 %, почти ¼ часть населения оказалась за чертой бедности, численность безработных составила более 70 тыс. чел., уровень инфляции в 1992 году достиг 325 %). Второй этап (1998—2000-е): внутренний политический кризис — отставка правительства демократов; мировой финансовый кризис 1998 года; существенное ухудшение положения страны на конец 1999 года по ряду показателей, таких как внутренняя и внешняя задолженность, бюджетный дефицит, внешняя торговля и др.; сильнейший дзуд (стихийное бедствие, сопровождающееся бескормицей) 1998—1999 и 1999—2000 годов, при котором потери скота составили до 10 млн голов. Третий этап (2008—2010): июльская революция 2008 года, (в результате беспорядков погибли 5 чел., 300 чел. получили ранения, в том числе 100 полицейских, 760 чел. были арестованы), финансовый кризис 2008 года привел к снижению ВВП в 2009 году до 1,3 %, сильнейший дзуд 2009—2010 годов (потери скота составили 8 млн голов) [Бадараев, 2019, с. 278].

Наступивший 2021 год также сопровождается внутренним политическим кризисом, который привел к отставке правительства У. Хурэлсуха, а также обострением противостояния между двумя основными партиями — Монгольской Народной партией (МНП) и Демократической партией (ДП). Президент Монголии Х. Баттулга, который представляет демпартию, подписал указ о роспуске МНП [Президент Монголии ...]. Данный кризис разгорелся на фоне пандемии коронавируса, драйвером являются предстоящие выборы президента Монголии, назначенные на 9 июня 2021 года.

Отмеченные этапы турбулентности продемонстрировали закономерность цикличности, которая хронологически наступает раз в 7—10 лет. Таким образом, можно говорить о новом витке турбулентности, который также может стать одним из выталкивающих факторов монгольской миграции в условиях внутреннего политического кризиса и ухудшения экономической ситуации в мире на фоне пандемии.

По данным переписи населения 2020 года, 122 301 гражданин Монголии проживает за границей, что на 14,2 процента больше по сравнению с переписью 2010 года. Более половины монгольских граждан (58,8 %), проживающих за рубежом, находятся в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [2020 Population ..., 2020, p. 16].

По своим экономическим показателям Монголия относится к странам развивающегося мира. По среднедушевому уровню ВВП она занимает 123-е место в мире. Уровень безработицы держится на стабильно высоком уровне, выше 7 % (табл. 1). Уровень бедности составляет 27,4 % (самый высокий показатель достигал 39,3 % в 2012 году), то есть почти одна треть населения находится за чертой бедности [Национальное статистическое ...]. Уровень бедности наиболее высок в сельской местности и отдаленных районах.

Таблица 1

Динамика отдельных микроэкономических показателей Монголии

Год	ВВП (\$)	Доля ВВП страны в мире (место)	Объем ВВП на душу населения	Уровень безработицы
1995	1,45 млрд	158	1,430 млрд	5,5 %
2000	1,137 млрд	162	0,470 млрд	9,6 %
2010	7,189 млрд	142	2,000 млрд	9,9 %
2019	13,853 млрд	136	3,780 млрд	10 %

Источник: [Национальное статистическое ...].

Как видим, занятость населения является одной из серьезных проблем современной Монголии. Высокий уровень безработицы, а также невысокая оплата труда стали основными стимулами трудовой миграции монгольских граждан в зарубежные страны (табл. 2).

Выезд за рубеж стал чрезвычайно популярной жизненной стратегией монголов. Согласно данным Международной организации по миграции ООН (IOM UN Migration), порядка 65 % монголов от общего количества мигрантов перемещаются по экономическим причинам. По оценкам данной организации, в 2018 году за границей проживало 130 000 монгольских мигрантов, многие из которых не имеют постоянного юридического статуса. По данным Всемирного банка, Монголия получила 574,4 миллиона долларов в виде денежных переводов в 2019 году (4,1 % от ВВП). В недавнем отчете Азиатского банка развития отмечается, что значительная доля денежных переводов осуществляется по неофициальным каналам, и по оценкам общий приток денежных переводов от монгольских трудовых мигрантов может достигать 10 % от ВВП страны.

Таблица 2

Показатели занятости населения Монголии (2005—2020)

Годы	Экономически активное население	Уровень участия в рабочей силе	Уровень занятости	Уровень безработицы	Средняя заработная плата (тысяч тугриков)
2005	1,001,2	63,5	61,4	3,3	101,2
2006	1,042,8	64,4	62,4	3,2	127,7
2007	1,054,0	64,2	62,4	2,8	173,0
2008	1,071,5	63,5	61,7	2,8	274,2
2009	1,137,9	61,4	54,3	11,6	300,5
2010	1,147,1	61,6	55,5	9,9	341,5
2011	1,124,7	62,5	57,7	7,7	424,2
2012	1,151,1	63,5	58,3	8,2	557,6
2013	1,198,3	61,9	57,0	7,9	813,0
2014	1,206,5	62,1	57,2	7,9	796,6
2015	1,242,6	62,8	57,9	7,8	808
2016	1,275,650	60,5	54,5	10	861,9
2017	1,357,425	61,1	55,8	8,8	944,5
2018	1,358,637	61	56,3	7,8	1,002,9
2019	1,273,896	60,5	54,4	10	1,124,3
2020	1,264,649	57	52,7	7,6	1,261,1

Источник: [Национальное статистическое ...].

5. Монгольская миграция в конце XX века

Как уже отмечалось ранее, интенсивные миграционные процессы в Монголии начались в 1990-е годы. Это было обусловлено социально-экономическими процессами в стране, а также усилением экономических и политических связей с азиатскими, американскими и западноевропейскими странами. Гражданам Монголии было предоставлено право безвизового въезда в США и Японию.

Миграционные потоки были обусловлены экономическим уровнем развития страны назначения, юридическими нормами, позволяющими прибывающим трудоустроиваться. Многие зависело от неформальных практик, которые через какое-то время превращались в устойчивую модель адаптации в принимающем обществе. Довольно часто трудовые мигранты выезжали в страны по учебным визам. Из неофициальных источников известно, что за 20 лет с целью получения образования или поиска работы в США выехало более 5 тыс. граждан Монголии, в Германию — около

10 тыс., а в Южную Корею — от 40 до 50 тыс. [Vuĵin Battur, 2016, p. 79]. Кроме того, наблюдается интенсивная миграция в Японию, Россию и страны Восточной Европы (рис. 1).

Большинство эмигрантов — это трудовые мигранты, переехавшие за границу в рамках соглашений между странами. Правительство Монголии в 2001 году приняло «Закон об отправке рабочей силы за рубеж и прием рабочей силы и специалистов из-за рубежа», согласно которому разрешение давалось некоторым компаниям на отправку монгольской рабочей силы в Южную Корею, Японию, Чехию и другие страны. Данный закон стал одним из основных механизмов, регулирующих миграционную политику государства. Уже в 2010 году за границу выехало 20,5 тыс. трудовых мигрантов, большая часть которых отправилась в Республику Корея.

По данным переписи населения, в 2020 году 122,3 тысячи человек более 6 месяцев находятся за границей; 58,8 % от общего количества живут и работают в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 23,9 % — в странах Европы. Из всех монголов, проживающих за границей, 34,2 % получают образование, 32 % работают, 12,6 % переехали по семейным обстоятельствам, 11,7 % являются резидентами, а остальные 9,5 % проживают по другим причинам [2020 Population ..., 2020, p. 13].

Основные страны по назначению для монгольских мигрантов

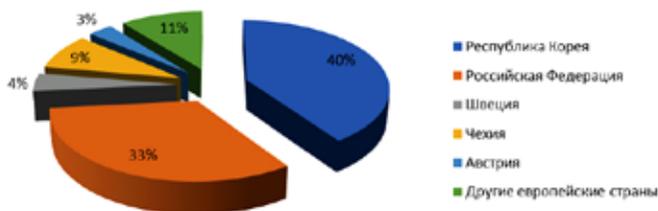

Рис. 1. Количество монгольских мигрантов по странам в 2019 году по данным Международной организации по миграции ООН (IOM UN Migration) [Международная организация ...]

На сегодняшний день экономика Монголии сократилась на 6 %, а ВВП — на 12 %. Из-за сложившейся ситуации остаток ценных бумаг центрального банка достиг 7,9 трлн тугриков (около \$2,8 млрд). Другими словами, коммерческие банки вложили все свои деньги в фонд риска, а не выдавали кредиты. В результате денежный поток стал стагнирующим, что привело к нехватке рабочих мест и отсутствию экономического оборота.

С начала пандемии в Монголии потеряно 68,9 тыс. рабочих мест. Новый кабинет министров Монголии под руководством Л. Оюун-Эрдэнэ 10 февраля 2021 года представил пакет мер, направленных на поддержку молодежи. «Ядром государственной политики будет создание рабочих мест, а не социальное обеспечение. Лучшее благосостояние — это гарантированная работа с высокой зарплатой. Поэтому большая часть плана будет направлена на создание дополнительных рабочих мест», — подчеркнул глава правительства [Политика правительства ...]. Кроме того, премьер-министр отметил, что, если правительство Монголии не реализует комплексный план в 2021 году, будет потеряно 130 тысяч рабочих мест [Там же].

6. Монгольская миграция в Республику Корея

По данным переписи населения 2010 года, 29,5 тыс. монгольских граждан эмигрировали в Республику Корея для получения образования, работы и др. 11,9 тыс., или 58 % из общего числа, являются трудовыми мигрантами в Южной Корее. На сегодняшний день эта цифра составляет порядка 45 тыс. По информации Статистического управления Республики Корея, в 2019 году официально зарегистрировано 24 845 граждан Монголии, которые пересекли границу страны, при этом нелегально на территории Южной Кореи находятся еще 17 510 человек [Статистическое управление ...].

Поток международной миграции в Южную Корею из Монголии условно можно разделить на три основные категории: трудовые мигранты, студенты и брачные мигранты.

Большинство монгольских эмигрантов — это трудовые мигранты, проживающие в Южной Корее. В 2001 году на основании «Закона о содействии занятости (2001 год)» компания «Mongol News» начала экспорт монгольских рабочих с категорией «промышленный стажер» в Южную Корею [Munkhjargal, 2011, p. 149—150]. С принятием «Закона об отправке рабочей силы за границу и приеме рабочей силы и специалистов из-за границы» (2001 год) заметно увеличилось количество официальных трудовых мигрантов из Монголии в Южную Корею. В результате произошел резкий скачок со 108 до 5894 мигрантов в период с 2002 по 2005 годы [Ibid., p. 151].

С введением системы разрешений на работу (Employment Permit System), программы временной трудовой миграции, которая действует на основе двусторонних межправительственных меморандумов о взаимопонимании (MOU), количество трудовых мигрантов увеличилось в 2 раза [Narmandakh, 2005, p. 68]. В 2008 году насчитывалось 18,4 тыс. трудовых мигрантов, которые составляли около 70 % от общего числа монгольских граждан в Южной Корее. В эти годы поток международной трудовой миграции стремительно увеличивался благодаря увеличению трудовых дого-

воров между странами. Изменения в динамике трудовой миграции произошли после 2010 года. Количество выезжающих на работу в Корею сократилось, в качестве основных факторов называются улучшение условий труда в Монголии, увеличение рабочих мест, повышение заработной платы, что является результатом экономического роста, обусловленного благоприятной конъюнктурой на рынке энергоносителей и сырья.

Вторая категория — это образовательная (студенческая) миграция. Согласно статистическим данным миграционной службы Республики Корея, в стране обучается 7381 гражданин Монголии, что является четвертым показателем по количеству иностранных студентов после Китая, Вьетнама и Узбекистана. Данный факт говорит о высокой популярности Южной Кореи среди монгольской молодежи. Доля студентов составляет 16 % от всех граждан Монголии, проживающих на территории Республики Корея.

Третья категория — брачные мигранты, количество которых увеличилось в 2010-х годах. Всего в Южной Корее проживало 2,6 тыс. брачных мигрантов, в том числе 182 мужчины и 2,4 тысяч женщин в 2014 году, что составляет около 12,8 % от общего миграционного потока Монголии в Южную Корею [Tsetsegjargal, 2014, p. 1052].

7. Механизмы регулирования трудовой миграции монголов в Республику Корея

Миграционный поток в Республику Корея стал одним из основных направлений в Азиатско-Тихоокеанском регионе за последние два десятилетия. Заметную долю трудовой миграции в Республику Корея составляют граждане Монголии. Для регулирования растущей миграции граждан правительство Монголии приняло закон «Об отправке рабочей силы за границу и получении иностранной рабочей силы и специалистов». Он позволил расширить экспорт рабочей силы в зарубежные страны под государственным контролем.

К числу основных нормативных актов, определяющих нормы трудовой миграции монголов в Республику Корея, относятся:

— Закон «О поездках и миграции граждан Монголии», который впервые был закреплен в конституции Монголии [Монгол улсын ..., 1994], принятой 24 декабря 1993 года; документ стал первым нормативным актом, разрешающим монголам постоянно проживать в зарубежных странах для личных целей и ведения бизнеса;

— Закон о поездках и эмиграции граждан Монголии для ведения бизнеса 1993 года;

— Закон Монголии «О труде» 1999 года;

— Закон о содействии занятости 2001 года;

— Закон об отправке рабочей силы за границу и приеме рабочей силы и специалистов из зарубежных стран 2001 года;

— Меморандум о взаимопонимании между Монголией и Южной Кореей (MOU) 2004 года;

— Комплексные национальные цели развития, основанные на Стратегии развития двух стран (2008—2021 годы).

Система экспорта рабочей силы из Монголии в Южную Корею является более отлаженной по сравнению с системой миграции в другие страны, куда уезжают на заработки монгольские граждане, в частности, между государственными органами Монголии и Республики Корея заключены отдельные соглашения по отправке трудовых мигрантов.

Согласно данным статистического управления Республики Корея, мигранты из Монголии составляют около двух процентов из общего числа трудовых мигрантов [Статистическое управление ...]. 2 % из более чем 1,5 миллиона трудовых мигрантов — относительно большое количество для такой страны, как Монголия. Доля выданных виз категории «Е-9. Неквалифицированный труд» для монгольских граждан составляла до 13 %, это довольно высокий показатель, который достигается за счет двусторонних соглашений в данной сфере. В 2005—2006 годах зарегистрировано самое большое число рабочих, однако в последующие годы данный показатель уменьшается вплоть до 2020 года.

Несмотря на усилия правительства Республики Корея в области миграционного контроля, в этой стране существует большая проблема в области незаконной миграции. Граждане Монголии составляют около 4,5 % (4 место) от общего числа нелегальных мигрантов на территории Южной Кореи (табл. 4).

На сегодняшний день в Республике Корея проживает порядка 45 тысяч граждан Монголии, и это самая представительная монгольская диаспора в зарубежных странах. Большая часть из них — трудовые мигранты.

По результатам социологических исследований, проведенных монгольскими и южнокорейскими учеными, представлена информация о возрастном и социально-экономическом составе трудовых мигрантов из Монголии. Так, переезжают в Республику Корея преимущественно люди в возрасте наивысшей трудовой активности — от 25 до 34 лет. Средний возраст мигрантов — 32 года [Algae, 2013, p. 42]. Подавляющее большинство (более 70 %) — мужчины [Ibid., p. 35]. Причина преобладания последних в том, что в монгольских семьях бытует консервативный уклад, следовательно, основным добытчиком является мужчина. Здесь же следует учесть, что существует относительно большой процент мигрантов, переезжающих в Корею вместе с семьей или ближайшими родственниками.

Таблица 4

Нелегальная миграция в Республике Корея по странам

Страны	2019	% от общего числа	2018	% от общего числа
Таиланд	152 439	39,1	138 591	39,0
Китай	70 536	18,1	71 070	20,0
Вьетнам	58 686	15,0	42 056	11,8
Монголия	17 510	4,5	15 919	4,5
Филиппины	13 095	3,4	13 020	3,7
Россия	12 090	3,1	10 906	3,1
Казахстан	11 092	2,8	11 413	3,2
Индонезия	8 460	2,2	8 110	2,3
Узбекистан	7 137	1,8	6 162	1,7
Камбоджа	6 099	1,6	5 897	1,7
Шри-Ланка	—	—	5 100	1,4
Другие страны	33 137	8,4	26 882	7
Всего	390 281	100,0	355 126	100,0

Источник: [Статистическое управление Республики Корея].

Отличительной особенностью трудовых мигрантов из Монголии по сравнению с мигрантами из других стран является высокий уровень образования у первых. Доля мужчин-мигрантов, имеющих высшее профессиональное образование, составляет 42 %, женщин — 62,8 % [Ibid., p. 42].

Согласно статистическим данным, средняя зарплата мигрантов составляет около 2 тысяч долларов США (2250000 вон) в месяц. Труд женщин оценивается в 1466,75 долларов США (1650000 вон), что меньше заработной платы мужчин на 30 %, труд которых оплачивается в среднем в 2133,46 долларов США (2400000 вон) [Статистическое управление ...]. Для сравнения: средняя заработная плата в Монголии составляет 450 долларов США (1269100 тугриков) [Там же].

Рабочая сила чаще требуется в таких сферах, как предоставление услуг, производство и строительство. Мигрантов привлекают преимущественно к тяжелым работам. Согласно данным Министерства труда и занятости Республики Корея, основная сфера занятости монголов — это работа на заводах по производству металла и стальных изделий, автозаводах, мебельных фабриках, на предприятиях пищевой и легкой промышленности [Там же].

8. Заключение

Глобальные тенденции, связанные с развитием экономик развитых и развивающихся стран, актуализируют вопросы качества трудовых ресур-

сов, удельного веса трудоспособного населения в общем количестве населения страны. Не является исключением современная Монголия, которая за последние тридцать лет прошла путь от социалистического государства к стране с рыночной экономикой. Социально-экономические процессы в указанный период сопровождались кризисными явлениями, которые подтолкнули наиболее активных граждан Монголии к поиску индивидуальных стратегий. Помимо ведения частного бизнеса, создания компаний, многие граждане страны вынуждены были мигрировать в поисках более достойной оплаты своего труда. Перспективными миграционными маршрутами представлялись страны с более развитой экономикой и лояльной миграционной политикой. В этом плане Республика Корея являлась и является основным направлением трудовых миграционных потоков из Монголии. Этому явлению есть несколько объяснений. Во-первых, Республика Корея нуждается в низкоквалифицированной рабочей силе на своих предприятиях. Это объясняет лояльность к мигрантам со стороны государства. Во-вторых, правительство Монголии, заинтересованное в легализации трудовых потоков, создало юридический механизм сотрудничества между странами в области трудовой миграции. В-третьих, немалое значение в привлечении монгольских граждан в Корею имеет так называемая «корейская волна» — массовая культура, которая очень популярна среди монгольской молодежи. Под влиянием культурных образов создается максимально положительный образ государства, его жителей, что влияет на выбор страны переезда. Анализ статистических данных показал, что средний возраст мигрантов приходится на период наивысшей трудовой активности — 34 года.

По состоянию на 2020 год средний возраст населения Монголии составляет 28 лет [Монгол Улсын ..., 1991—2021]. Данный показатель считается стратегически важным для развития экономики государства. Поэтому взвешенная миграционная политика имеет принципиальное значение для современной Монголии. На миграционные волны в том числе влияют зоны турбулентности, связанные как с природными явлениями (дзуд — бескормица, которая приводит к массовому падежу скота), так и с политическими кризисами, подталкивающими молодежь к поиску стабильного источника дохода, который не зависит от изменения политической конъюнктуры. Вместе с тем следует отметить, что основными мотивами все же являются экономические императивы.

Обозначенные вопросы актуальны и для России, особенно для Республики Бурятия, которая является одним из основных поставщиков трудовых мигрантов в Республику Корея среди дальневосточных регионов РФ. Дальнейшие исследования по указанной теме позволят выявить общее и

особенное в индивидуальных стратегиях трудоустройства граждан Монголии и РФ в Республике Корея.

Источники

1. *Международная организация по миграции ООН (IOM UN Migration)*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (дата обращения 19.11.2020).
2. *Монгол улсын үндсэн хууль* [Конституция Монголии] // Ардын эрх. — 1994. — № 145 (844) — 146 (845). 26—27 июл.
3. *Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 1990—2020* : статистический сборник Монголии. — Улан-Батор, 1991—2021.
4. *Национальное статистическое управление Монголии* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.1212.mn/> (дата обращения: 07.03.2021).
5. *Пандемия* : в Вене и Берлине прошли протесты против карантинных мер [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.dw.com/ru/v-vene-i-berline-proshli-protesty-protiv-karantinyh-mer/a-56562503> (дата обращения : 14.02.2021).
6. *Политика* правительства будет направлена на создание рабочих мест, а не на социальное обеспечение [Электронный ресурс] // Информационно-новостной портал о Центральной Азии. — Режим доступа : <https://centralasia.media/news:1681709> (дата обращения 08.11.2020).
7. *Президент* Монголии издал указ о роспуске правящей политической партии [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна. — Режим доступа : <https://rossaprimavera.ru/news/334dd895> (дата обращения : 04.04.2021).
8. *Россия* и Монголия заключат бессрочный договор о дружбе [Электронный ресурс] // Парламентская газета. — Режим доступа : <https://www.pnp.ru/in-world/rossiya-i-mongoliya-zaklyuchat-bessrochnyy-dogovor-o-druzhbe.html> (дата обращения : 14.02.2021).
9. *Статистическое управление Республики Корея* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://kostat.go.kr/> (дата обращения : 23.11.2020).
10. *2020 Population and Housing Census of Mongolia* // National statistics office of Mongolia. — Ulan-Bator, 2020. — 18 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадараев Д. Д.* Турбулентность в Монголии : новая волна социально-политических вызовов / Д. Д. Бадараев // Власть. — 2019. — Т. 27. — № 4. — С. 277—282. — DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6642.
2. *Балдано М. Н.* Институционализация миграционной политики Республики Корея / М. Н. Балдано // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2018. — № 1 (29). — С. 79—84. — DOI: 10.30792/2222-9175-2018-29-79-84.
3. *Балдано М. Н.* Монголия на перекрестке внешних миграций : монгольские мигранты в Южной Корею / М. Н. Балдано, С. В. Кириченко // Символ науки. — 2015. — № 9. — С. 45—51.
4. *Балдорж Ц.* Место и роль экономики современной Монголии в экономике Евразии / Ц. Балдорж, П. В. Кравченко // Конкурентный потенциал региона : оценка и эффективность использования. Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н. Ф. Кузнецова, 2019. — С. 36—38.

5. *Баттур Б.* Экспорт рабочей силы Монголии в Южную Корею : влияние и последствия для внутренней политики : диссертация ... кандидата юридических наук : 327.17 / Б. Баттур. — Сеул, 2016. — 83 с.
6. *Восток на Востоке, в России и на Западе : трансграничные миграции и диаспоры* / автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. — 304 с. — ISBN 978-5-4469-0883-7.
7. *Восток России : миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков* / научный редактор В. И. Дятлов. — Иркутск : Отгиск, 2011. — 624 с. — ISBN 978-5-93219-304-4.
8. *Галиймаа Н.* Монголия — перекресток миграций. 08.06.2009 [Электронный ресурс] / Н. Галиймаа, Н. Липатова. — Режим доступа : <http://buriyatia.asia/mongoliyaperekrestok-migracij/> (дата обращения: 05.11.2020).
9. *Дугаржав Л.* Монголия : проблемы привлечения прямых инвестиций в экономику / Л. Дугаржав, Д. Бадарч, А. Ганболд, Х. Лундэнбазар, М. А. Попов, С. А. Филин // *Финансы и кредит.* — 2006. — № 31 (235). — С. 65—74.
10. *История Монголии. XX век* / под ред. Р. Б. Рыбакова. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2007. — 448 с.
11. *Кириченко С. В.* Трансграничные миграции граждан Монголии в Южную Корею : ресурс или источник противоречий? / С. В. Кириченко // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение».* — 2016. — Т. 18. — С. 99—106.
12. *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков* / науч. ред. В. И. Дятлов. — Иркутск : Отгиск, 2010. — 640 с. — ISBN 978-5-93219-270-2.
13. *Algae S.* Impact of Out-Migration to Korea : Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia [Electronic resource] / S. Algae // *The Journal of Multicultural Society.* — 2013. — Vol. 4. — № 1. — Pp. 32—75. — Access mode : <http://www.omnesjournal.org/public/omnes.php> (accessed 13.11.2020).
14. *Batbayar Ts.* Foreign migration issues in Mongolia / Ts. Batbayar // *Crossing national borders : Human migration issues in Northeast Asia.* — Tokyo ; New York ; Paris : United Nations University Press, 2005. — Pp. 215—236.
15. *Batmagnai N.* Underlying Causes of International Migration Case of Mongolian Migrants in Korea : PhD Diss. : 327.17 / N. Batmagnai. — Seoul, 2015. — 91 p.
16. *Bolormaa Ts.* Demographic Changes and Labor Migration in Mongolia / Ts. Bolormaa // PECC-ABAC Conference on “Demographic Change and International Labor Mobility in the Asia Pacific Region : Implications for Business and Cooperation. — Seoul, 2008. — Pp. 78—94.
17. *Boone P.* Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia / P. Boone // *Journal of Comparative Economics.* — 1994. — № 18. — Pp. 329—256.
18. *Dolgorsuren Ts.* The major determinant factors of labor migration flow to South Korea from Mongolia : Master’s thesis. — Seoul : Sungkyunkwan University, 2016. — 74 p.
19. *Kim H. J.* International Migration Review / H. J. Kim // *International Migration Review.* — 2008. — Vol. 42, № 3. — Pp. 576—596. — DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
20. *Kim H. J. N.* Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals / H. J. Kim // *Dilemma. International Migration Review.* — 2018. — № 42 (3). — Pp. 576—596. — DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
21. *Lee K. Y.* Changes in Policies for Migrant Workers and Policy / K. Y. Lee. — Seoul, 2017. — 38 p.

22. *Munkhjargal B.* Mongolian Policy toward its Citizens in South Korea / B. Munkhjargal : Master's thesis. — Inha University, 2011. — 168 p.
23. *Munkh-Orgil Ts.* Migration Profile of the Republic of Korea / Ts. Munkh-Orgil // IOM MRTC Research Report Series. — 2006. — № 1. — P. 19.
24. *Narmandakh D.* Youth employment in Mongolian market transition period / D. Narmandakh // Mongolian Employment Federation (MONEF). — Ulaanbaatar, 2005. — 73 p.
25. *Oyunchimeg Sh.* 107 thousand citizens are living in foreign countries [Electronic resource] / Sh. Oyunchimeg // News.mn. — Access mode : <http://www.news.mn/content/89760.shtml> (accessed 23.12.2020).
26. *Park Y. B.* Migration Issues in the Asia Pacific / Y. B. Park // Issues Paper from the ROK. Asia Pacific Migration Research Network. — 1997. — Vol. 3. — Pp. 254—268.
27. *Tsetsejgargal T.* Marriage Migration of Mongolian Women to South Korea / T. Tsetsejgargal // Sociology Study. — 2014. — Vol. 4, № 12. — Pp. 1050—1059. — DOI: 10.17265/2159-5526/2014.12.006.
28. *Yoo Kil-sang.* Immigration and Labor Market. Issues in Korea / Yoo Kil-sang // International Migration and Labor Markets in Asia. — Seoul, 2001. — Pp. 1—35.

MATERIAL RESOURCES

- Constitution of Mongolia (1994). *Ardyn erh, 145 (844) — 146 (845)*. 26—27 jul. (In Mong.). Government's policy will be aimed at creating jobs, not social security. In: *Information and News Portal about Central Asia*. Available at: <https://centralasia.media/news:1681709> (accessed 08.11.2020). (In Russ.).
- Mongol Ulsyn statistician emhetgel. 1990—2020: Statistical Collection of Mongolia*. (1991—2021). Ulaanbaatar. (In Mong.).
- National Statistical Office of Mongolia*. Available at: <https://www.1212.mn/> (accessed 07.03.2021). (In Mong.).
- Pandemic: protests against quarantine measures were held in Vienna and Berlin*. Available at: <https://www.dw.com/ru/v-vene-i-berline-proshli-protesty-protiv-karantinnyh-mer/a-56562503> (accessed 14.02.2021). (In Russ.).
- President of Mongolia issued a decree on the dissolution of the ruling political party. In: *IA Krasnaya Vesna*. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/334dd895> (accessed 04.04.2021). (In Russ.).
- Russia and Mongolia will conclude an indefinite friendship agreement. In: *Parliamentary Newspaper*. Available at: <https://www.pnp.ru/in-world/rossiya-i-mongoliya-zaklyuchat-bessrochnyy-dogovor-o-druzhbe.html> (accessed 14.02.2021). (In Russ.).
- Statistical Office of the Republic of Korea*. Available at: <http://kostat.go.kr/> (accessed 23.11.2020). (In Kor.).
- United Nations International Organization for Migration (IOM UN Migration)*. Available at: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (accessed 19.11.2020). (In Russ.).
- 2020 Population and Housing Census of Mongolia. (2020). In: *National statistics office of Mongolia*. Ulan-Bator. 18 p.

REFERENCES

- Algae, S. (2013). Impact of Out-Migration to Korea: Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia. *The Journal of Multicultural Society*, 4 (1): 32—75. Available at: <http://www.omnesjournal.org/public/omnes.php> (accessed 13.11.2020).

- Badaraev, D. D. (2019). *Turbulence in Mongolia: a new wave of socio-political challenges*, 27 (4): 277—282. DOI: 10.31171/vlast.v27i4. 6642. (In Russ.).
- Baldano, M. N. (2018). Institutionalization of the migration policy of the Republic of Korea. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1 (29): 79—84. DOI: 10.30792/2222-9175-2018-29-79-84. (In Russ.).
- Baldano, M. N., Kirichenko, S. V. (2015). Mongolia at the crossroads of external migrations: Mongolian migrants in South Korea. *Symbol of Science*, 9: 45—51. (In Russ.).
- Baldorzh, Ts., Kravchenko, P. V. (2019). The place and role of the economy of modern Mongolia in the economy of Eurasia. *Collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference*. 36—38. (In Russ.).
- Batbayar, Ts. (2005). Foreign migration issues in Mongolia. In: *Crossing national borders: Human migration issues in Northeast Asia*. Tokyo; New York; Paris: United Nations University Press. 215—236.
- Batmagnai, N. (2015). *Underlying Causes of International Migration Case of Mongolian Migrants in Korea*. PhD Diss. Seoul. 91 p.
- Battur, B. (2016). *Export of Mongolia's labor force to South Korea: impact and consequences for domestic policy*. PhD Diss. Seoul. 83 p.
- Bolormaa, Ts. (2008). Demographic Changes and Labor Migration in Mongolia. *PECC-ABAC Conference on "Demographic Change and International Labor Mobility in the Asia Pacific Region: Implications for Business and Cooperation*. Seoul. 78—94.
- Boone, P. (1994). Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia. *Journal of Comparative Economics*, 18: 329—256.
- Dolgorsuren, Ts. (2016). *The major determinant factors of labor migration flow to South Korea from Mongolia*. Master's thesis. Seoul: Sungkyunkwan University. 74 p.
- Dugarjav, L., Badarch, D., Ganbold, A., Langenbacher, H., Popov, M. A., Filin, S. A. (2006). Mongolia: issues of attracting investment in the economy. *Finance and credit*, 31 (235): 65—74. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (ed.). (2010). *Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Rubezhi XIX—XX and XX—XXI centuries*. Irkutsk: Ottisk. 640 p. ISBN 978-5-93219-270-2. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (ed.). (2011). *The East of Russia: migrations and diasporas in the resettlement society. Frontiers XIX—XX and XX—XXI centuries*. Irkutsk: Ottisk. 624 p. ISBN 978-5-93219-304-4. (In Russ.).
- East in the East, in Russia and in the West: cross-border migration and Diaspora*. (2016). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 304 p. ISBN 978-5-4469-0883-7. (In Russ.).
- Galimaa, N., Lipatova, N. (2009). *Mongolia — the crossroads of migrations*. 08.06. Available at: <http://buriatia.asia/mongoliyaperekrestok-migracij/> (accessed 05.11.2020). (In Russ.).
- Kim, H. J. (2008). International Migration Review. *International Migration Review*, 42 (3): 576—596. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
- Kim, H. J. (2018). N. Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals. *Dilemma. International Migration Review*, 42 (3): 576—596. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
- Kirichenko, S. V. (2016). Cross-border migration of Mongolian citizens to South Korea: a resource or a source of contradictions? *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*, 18: 99—106. (In Russ.).

- Lee, K. Y. (2017). *Changes in Policies for Migrant Workers and Policy*. Seoul. 38 p.
- Munkhjargal, B. (2011). *Mongolian Policy toward its Citizens in South Korea*. Master's thesis. Inha University. 168 p.
- Munkh-Orgil, Ts. (2006). Migration Profile of the Republic of Korea. *IOM MRTC Research Report Series, 1*: 19.
- Narmandakh, D. (2005). Youth employment in Mongolian market transition period. *Mongolian Employment Federation (MONEF)*. Ulaanbaatar. 73 p.
- Oyunchimeg, Sh. 107 thousand citizens are living in foreign countries . In: *News.mn*. Available at: <http://www.news.mn/content/89760.shtml> (accessed 23.12.2020). (In Mong.)
- Park, Y. B. (1997). Migration Issues in the Asia Pacific. Issues Paper from the ROK. *Asia Pacific Migration Research Network, 3*. 254—268.
- Rybakov, R. B. (ed.). (2007). *History of Mongolia. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 448 p. (In Russ.).
- Tsetsegjargal, T. (2014). Marriage Migration of Mongolian Women to South Korea. *Sociology Study, 4* (12): 1050—1059. DOI: 10.17265/2159-5526/2014.12.006.
- Yoo, Kil-sang. (2016). Immigration and Labor Market. Issues in Korea. *International Migration and Labor Markets in Asia*. Seoul. 1—35.